

Л. Абрамян

Критические заметки о теории символов

В кругу идей скептицизма и агностицизма теории символов принадлежит важное место. Под теорией символов (иероглифов) имеется в виду теория познания, которая принимает формы сознания за символы или иероглифы. Она расходится как с последовательным материализмом, так и с идеализмом. В отличие от идеализма, символизм не всегда отрицает объективное существование вещей. Теория символов не делает также прямых выводов, отрицающих возможность познания. Между действительностью и формами сознания она видит известную соотнесенность: подобно тому, как иероглиф, не будучи сходен с предметом мысли, имеет тем не менее определенное реальное значение, так и каждое данное ощущение служит постоянным знаком тех или иных вещей и их свойств.

Признание объективной реальности и допущение возможности ее познания представляет собой положительную материалистическую тенденцию теории символов. Но так как, согласно этой теории, сознание не дает истинной картины действительности, то человек никогда не сталкивается с самими вещами и не в состоянии выйти за пределы своего субъективного мира.

Подобный взгляд вносит в гносеологию значительные элементы агностицизма, так как, если наши идеи — только символы вещей, а не их адекватные отображения, то человек не может узнать ни того, каковы вещи сами по себе, ни даже того, существуют ли они вообще. Одно лишь бессодержательное «признание» материи, разрешающее ей «царствовать, но не править», по сути дела равно ее отрицанию.

Таким образом, для теории символов характерны непоследовательность и колебания между материализмом и идеализмом, почему она и была названа В. И. Лениным «полуматериализмом»¹. «Символический материализм» содержит в себе такие противоречия, которые при определенном развитии могут привести и действительно приводили к идеализму и к законченному агностицизму.

Теория символов, следовательно, — это разновидность скептицизма, отвергающего «чрезмерные претензии» науки, считающего познание необъективным, неизбежно ограниченным и недостоверным.

* * *

Истоки учений, оспаривающих возможность достоверного знания объективной истины, восходят к древности, к школам софистов, Пирона и Академии.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 223.

В новое время идеи скептицизма вырастают на почве механистического и метафизического материализма XVII в. Дуалистическая гносеология Локка, теоретически обосновав учение о «первичных» и «вторичных» качествах, развила идеи о символической природе одной части наших идей. Под воздействием внешних предметов, по Д. Локку, у нас возникают идеи двоякого рода: одни из них — идеи протяженности, движения и фигуры — имеют объективное значение, — это «первичные» качества; другие — идеи цвета, запаха и т. д. — не имеют объективных образов, субъективны, — это качества «вторичные». Между теми и другими идеями, с одной стороны, и действительностью, с другой — существует соответствие. Однако в то время как в одном случае — это адекватное соответствие, в другом — соответствие неадекватное.

Но если субъективные «вторичные» качества ничего общего не имеют с объективными качествами вещей, кто же устанавливает соответствие между «вторичными» качествами и действительностью? Кто же иной, кроме бога?. Не случайно, отправляясь отсюда, Д. Беркли и сами вещи называет символами, служащими для уведомления людей о «рациональной воле бога». Здесь символизм смыкается с чистейшим идеализмом и самой откровенной теологией.

В XVIII в. новую главу в истории скептицизма открывает Д. Юм. Юм, несомненно, наиболее последовательный агностик, поскольку он отрицает возможность удостовериться в объективном существовании вещей. Возникшая не без его влияния кантовская теория познания, послужив теоретической наставницей теории символов, определила некоторые, едва ли не самые важные ее черты.

В отличие от Юма, Кант исходит из того, что вне человека, независимо от его сознания, существует мир «вещей в себе». Объективное существование этого мира и его воздействие на человека является отправным пунктом его теории познания. Сознание, следовательно, имеет соответствующий объективный источник. «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист»¹.

«Материал» восприятий, привносимый извне, дан человеку в хаотическом состоянии. В нем нет пространственно-временного порядка, последовательности, объективных отношений, как нет и ничего, указывающего на закономерность, всеобщность и необходимость. Раз эти моменты берут свое происхождение не в объекте, говорит Кант, а математика, теоретическое естествознание все же существуют, значит порядок в воспринимаемое привносится субъектом, благодаря определенным формам его сознания, априорно ему присущим.

Познание, по Канту, начинается с чувственного восприятия, переходит затем к рассудку и завершается разумом.

Из взаимодействия «вещи в себе» и чувственной способности возникает явление. Под явлением понимается не внешнее обнаружение сущ-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 184.

ности, не какая-то сторона объективной действительности, а лишь «простое представление чувственности». Явление, в понимании Канта, не выводит человека за пределы собственного сознания, оно не ведет к познанию сущности объективных вещей, ибо первейшими условиями чувственного познания служат априорные формы чувственности — пространство и время. Тем самым субъективный характер приобретают уже и «первичные качества». А то, что существует объективно — «вещь в себе», навсегда остается незатронутой познанием. «Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист»¹.

Деятельность рассудка, по Канту, также связана с априорными формами сознания. Именно благодаря категориям субстанции, причинности, взаимодействия и т. д., априорно присущим рассудку, с помощью априорных форм рассудочного синтеза чувственное явление поднимается на ступень необходимости и всеобщности. Категории — это, по Канту, не отражение общих закономерностей бытия, не результат абстрагирующей работы сознания, а чистые формы, изначально свойственные рассудку. Рассудок у Канта не черпает свои законы из природы, а предписывает их ей.

Подчеркивая, что категории непронзвольны и независимы от индивидуального сознания людей, Кант стремился отмежеваться от субъективного идеализма Беркли. Но раз кантовские категории никогда не входят в соприкосновение с объективным миром, то их объективность, как отметил Гегель, субъективна.

Идеи, которыми оперирует разум, в учении Канта получают еще более идеалистическое понимание: они не имеют опытной основы. Идеи, создаваемые разумом, свидетельствуют о безграничности человеческого стремления к познанию. Но так как знание ограничено, то разум приходит к неразрешимым противоречиям, «антиномиям». Идеи разума служат вехами, обозначающими границу познания, за которой начинается царство «вещей в себе», постигаемое лишь верой.

Сознание не в состоянии переступить эту границу. Вещь в себе, «не будучи явлением, может, однако же, служить высшим основанием для объяснения явлений»², но она непознаваема, ибо действительность мыслится нами в формах, которые никакого сходства не имеют с формами объективного существования вещей. Таким образом, то, что познаваемо — субъективно, а то, что объективно — непознаваемо. Получается два мира, отгороженных друг от друга стеной вечного непонимания. Каков же после этого смысл признания «вещей в себе», если они отправляются в почетную ссылку потусторонности, в область, недоступную для человека? Материализм исходного пункта кантовской теории сводится на нет последующим агностицизмом.

На почве развитого агностицизма и вырастает теория символов. Идеиное родство с кантовским учением отмечалось самими основателями

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 184—185.

² И. Кант, Прологомены, М., 1937, стр. 139.

«физиологического идеализма». Г. Гельмгольц говорил, что он путем опытного исследования пришел к тому, что ранее Кантом было провозглашено в философии¹.

Анализируя чувственную ступень познания, Г. Гельмгольц вслед за И. Мюллером заключил, что ощущения не имеют сходства с вещами и поэтому являются только символами. Они возникают как результаты действия предметов на нашу нервную систему, но объекты и идеи принадлежат, как писал Г. Гельмгольц, «к двум совершенно различным мирам». Здесь нет сомнения в существовании внешнего мира, но выражается неверие в возможность адекватно отразить его в ощущениях.

Возникшая сначала как гносеологический вывод из «физиологического идеализма» о характере чувственного познания, теория символов впоследствии (у Г. Спенсера) развилась в теорию познания.

Распространению теории символов среди естественников способствовал кризис физики на рубеже XIX и XX вв. Учение о символической природе знания было подхвачено махизмом и, в частности, его русской разновидностью. «Эмпириосимволизм» П. Юшкевича — это субъективно-идеалистический вариант теории символов.

Юшкевич исполнен махистского стремления стать выше идеализма и материализма: он признает и бытие и мышление, но бытие — лишь постольку, поскольку оно мыслится. Быть реальностью — значит быть мыслью о реальности. «Преодоление» материализма и идеализма достигается, таким образом, ценою отождествления материи с сознанием.

Ощущения, по «эмпириосимволизму», — это не отражение бытия, а символы, возникающие из «чистого опыта». С другой стороны, символами, но уже «более высокой степени», являются сами вещи, воплощающие, согласно Юшкевичу, связь и отношения ощущений. Таким образом, «объективный мир разрешается в ряд символов, и не чувственные элементы рассматриваются как «объективная реальность», а логические (символические) отношения»². Понятия, категории, законы науки — все это объявляется Юшкевичем символами и устраняется самый вопрос о том, чему они соответствуют в действительности.

Возрождение гносеологического символизма, будучи отражением общего поворота к реакции после поражения первой русской революции, дополнялось в России развитием символизма, как литературного течения.

Подобно тому, как импрессионизм в своих крайних проявлениях основывается на субъективно-идеалистическом сенсуализме, так и литературное течение символизма гносеологически было связано с теорией символов. При всей разноречивости и неопределенности теоретической программы символистов, характерным для их художественного метода является «параллелизм феноменального и noumenального» (В. Иванов), т. е. отсутствие внутреннего единства, разрыв между явлением и сущностью. Кроме открываемых разумом связей, вещи связываются друг с другом

¹ См. Г. Гельмгольц, *Философское и научное исследование зрения*, СПб, 1893, стр. 15.

² П. Юшкевич, *Материализм и критический реализм*, СПб, 1908, стр. 117.

еще и иными, внеразумными силами. Прекрасное, создаваемое искусством, приближаясь к выражению «иных миров», служит условным знаком для их обозначения. Слово есть символ-метафора, напоминающий нам об этих неведомых мирах. Поэтому, например, в поэзии важен не столько прямой смысл слов, сколько гипнотическое впечатление созвучий, музыки стиха. Красное и голубое становятся носителями идей; числа окрашиваются в цвета; персонажи пьес утрачивают живой, психологически богатый облик и превращаются в маски с окаменевшим выражением. В итоге, несмотря на теоретические выступления символистов против формалистического эстетства, их искусство носило антиреалистический характер, а их правое крыло через «богоискательство» и «мифотворчество» сомкнулось с антинародной кадетской идеологией.

В идейной борьбе, развернувшейся в годы наступления реакции, В. И. Ленин особое внимание уделил критике теории символов, раскрыв пороки этого учения, послужившего одной из форм идеологической реакции.

Ныне критика этой агностической теории не утратила своей актуальности, поскольку некоторые зарубежные ученые, и среди них крупнейшие математики и физики, говорят о «конвенциональном», условном характере познания, как о чем-то само собой разумеющемся. Вместе с тем за последние десятилетия идеи теории символов в буржуазной философии разрабатывались в области форм рационального познания (в философии — неопозитивизм, семантика и ее последнее слово — семиотика, в логике и психологии — логистика и бихевиоризм, в языкознании — структурализм).

По своему социальному содержанию современные идеалистические вариации теории символов являются выражением реакционности империалистической буржуазии, иллюзорности ее мировоззрения. Класс, вступивший в противоречие с объективной закономерностью прогресса человечества и осужденный историей на поражение, не может примириться с неизбежностью своей гибели. Он отвергает существование какой бы то ни было объективной закономерности и возможность отражения ее в науке. Поэтому за законами науки он согласен признать только условный смысл.

Таковы классовые корни современной теории символов. Но это учение имеет также и гносеологические корни. Подлинно научная критика теории символов требует вскрытия и рассмотрения ее гносеологических основ.

При детальном историческом подходе к критике теории символов можно было бы проследить, какую особую теоретическую форму она принимала в борьбе против последовательно материалистической теории познания. Ведь на каждом новом этапе своей эволюции она искала новое обоснование, новые доводы и возражения против своих противников. Так, если «физиологический идеализм» сосредоточил внимание на чувственной ступени познания, то современный гносеологический символизм специализируется на изучении форм рационального познания.

Однако при всем различии форм, в которых выступала теория символов, имеются общие принципы, лежащие в основе всех ее видоизменений.

Именно эти гносеологические позиции теории символов в целом, общие со скептицизмом вообще, и являются в данном случае предметом рассмотрения и критики.

Центральная идея теории символов состоит в том, что между объективными предметами и идеями человека нет единства и согласия, что вещам и их качествам соответствуют не их отражения и приблизительно верные копии, а условные обозначения, знаки, символы. Это утверждение обосновывается:

тем, что чувственное познание носит на себе деформирующую печать познающего субъекта, а понятия создаются как абстракции, не имеющие непосредственного прообраза в объективном мире;

тем, что в истории познания одни теории постоянно сменялись другими, так что каждая из них оказывалась истиной лишь на время;

тем, что человечество всегда пользовалось знаками, символический характер которых неоспорим. причем это использование проникает не только в так называемые точные науки, но и в самую ткань языка.

* * *

Чувственное познание теорией символов рассматривается как субъективное состояние сознания, которое, будучи вызванным внешним миром, не служит, однако, его отображением. Объекту ощущение обязано своим возникновением, качество же ощущений зависит от субъекта.

Для иллюстрации, а вместе с тем и подтверждения этого положения, символисты предлагают представить два геометрических тела — цилиндр и куб; цилиндр играет роль воспринимающего субъекта, куб — объекта; тень от куба, падающая на цилиндр, сравнивается с воздействием объекта на субъект. Ясно, что очертания тени на цилиндре будут воспроизводить куб сообразно характеру поверхности цилиндра: прямые углы куба будут в ней представлены как изогнутые, плоские поверхности как цилиндрические и т. д. Заключая на основании этого, что нет «никакого качественного сродства между кубом и его проекционным изображением», символисты приходят к выводу о том, что вещи объективного мира в действительности не являются такими, какими нам кажутся¹.

Дело, однако, в том, что органы чувств человека, будучи частью природы, являются ее особой частью. Дарвинизм доказал, что одной из глубоких закономерностей эволюции органического мира является ее приспособительный характер. Органы чувств, служащие орудием познания, возникли и развились под формирующим воздействием внешней среды. При этом каждый из органов чувств в результате такого воздействия получил строение, специально приспособленное к восприятию раздражений особого рода. Органы чувств могли стать приспособленными, только правильно отражая объективный мир. Например, глаз приспособился к объек-

¹ См. Г. Спенсер, Основания психологии, т. 3, СПб, 1876, стр. 192—197.

тивному отображению формы, цвета и пространственного расположения предметов благодаря решающему влиянию солнечного излучения.

Не учитывая этого, теория символов отождествляет органы чувств с предметами физического мира. Эта тенденция характерна для «физиологического идеализма», изучавшего глаз, как совершенный оптический аппарат. Но такой подход в корне ошибочен. Он берет органы чувств, как данное, не интересуясь их происхождением и развитием, их подлинной природой и функциями. Изучение же этих вопросов показывает, что органы чувств возникают как средства ориентировки организма во внешней среде, как органы, специально приспособившиеся к правильному отражению этой среды.

Далее, при таком подходе искажается процесс чувственного познания, как он происходит на самом деле. Допавловская физиология, начиная с И. Мюллера, упор делала на изучении периферических органов чувств и их «специфической энергии». Последующее развитие науки, однако, показало, что превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания осуществляется анализаторами, в работе которых первостепенную роль играет мозг. Именно здесь, в корковом отделе анализатора, происходит преобразование нервного возбуждения в ощущение. Следовательно, «физиологический идеализм» неправильно понимает само ощущение и другие формы чувственного познания, изучая рецепторы сами по себе, в отрыве от деятельности мозга. Кроме того, для теории символов характерно изолированное рассмотрение тех или иных органов чувств. Дело представляется так, будто познание оперирует ощущениями, которые возникают вне какой бы то ни было связи друг с другом и с рациональным познанием, без активного воздействия человека на предмет, вне практики.

Такое ощущение в чистом виде существует только как абстракция, лишь в нашем сознании. В действительности ощущения, переплетаясь и наслаиваясь, взаимно контролируют друг друга, как корректирует их работу и разум. Павловское учение о единстве первой и второй сигнальной систем дает прочное обоснование неразрывной связи чувственной и рациональной форм познания. Вторая сигнальная система регулирует первую сигнальную систему, отбирая, перестраивая и выправляя чувственные образы. В случаях с различного рода иллюзиями разум, зная о причинах «обмана чувств», опять-таки располагает знанием о подлинном образе предмета. Так что «обман чувств» несколько не укрепляет позиции агностицизма.

В этом можно убедиться на простом примере. Всем известно, что круглый стол под определенным углом зрения кажется эллиптическим. Как будто налицо искажение предмета. Но в сущности искажения здесь нет: при данном угле зрения стол должен выглядеть таким. Причина «искажения» лежит не в мнимой неполноценности органов чувств, а в особых условиях восприятия.

Человек знает об условиях, в силу которых предмет должен казаться именно таким. И такое «искажение» не только не мешает познанию, но является его предпосылкой. Перспективный зрительный образ предмета

является следствием и правильным отражением его особого пространственного расположения. При этом, как это было доказано И. М. Сеченовым, зрительный образ строится по точным законам перспективной проекции. Значит, «в перспективном видении участвуют исключительно геометрические факторы»¹.

Из сказанного не следует, что ощущения никогда нас не обманывают. Но самый факт выделения таких случаев в особый разряд «обмана чувств» говорит о том, что человек благодаря своему активному воздействию на объект, путем сопоставления различных ощущений, посредством размышления и практической прозорки имеет возможность разоблачать так называемый «обман чувств».

Другим доводом в защиту теории символов служит факт различного восприятия цвета — явление дальтонизма, состоящее в неразличении некоторых цветов. Но, несмотря на изрядную давность ссылок на это явление, на самом деле дальтонизм оказывается убедительным аргументом против теорий агностицизма и идеализма.

Общепризнано, что дальтонизм — это отклонение от нормального ощущения цвета, а современная физиология органов чувств рассматривает его как расстройство цветового зрения, как частичную слепоту. Не ясно ли, что дальтонизм собственно потому и ведет к искажению образа, что является нарушением нормального состояния? Разве слепота может доказать несуществование света?

Не признавая объективного существования цвета и других так называемых «вторичных качеств», не присущих якобы объекту, теория символов обедняет действительность, лишает ее качественной определенности и ведет к субъективизму. И дело не поправляется от того, что источник ощущений выносится во вне. Правда, это спасает символизм от солипсизма. Но спор между «символическим материализмом» (или «полуматериализмом») и диалектическим материализмом состоит не в том, возникает ли познание в результате внешнего воздействия, а в том, адекватно отражает ли познание действительно существующие объективные качества вещей или качества существуют только как результаты воздействия каких-то безличных вещей на человека.

Одно лишь признание «вещи в себе» и воздействия его на человека не избавляет от агностицизма. Существенно видеть в познании отражение того, что существует объективно.

Это видно на примере рассмотрения отступления Г. В. Плеханова от последовательного материализма в ряде вопросов теории познания. «Вещь в себе имеет цвет только тогда, — писал он, — когда на нее смотрят, запах — только тогда, когда ее нюхают, и т. д.». Это положение интерпретировалось затем следующим образом: перестав смотреть на «вещь в себе» или нюхать ее, «мы не отнимаем у нее способности снова вызвать в нас ощущение цвета, когда мы опять на нее взглянем, ощущение запаха,

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, М., 1947, стр. 338—339.

когда мы опять поднесем ее к своему носу, и т. д. Эта способность и есть ее свойство, как вещи в себе, т. е. свойство, независимое от субъекта»¹.

Получается, что вещь, предмет сам по себе не имеет тех качеств, которые нам представляются. Он имеет лишь свойство порождать в сознании человека те или иные ощущения и представления.

Каковы могут быть, в таком случае, отношения между таким объективным свойством и формами чувственного познания? Между ними могут быть только отношения соответствия, в которых тождеству и различию, а также изменениям объективных свойств, соответствуют тождество, различие и изменения, находимые человеком. Здесь имеет место своеобразный параллелизм. Отмечаемое символизмом «соответствие» есть неадекватное соответствие. Поэтому признание лишь такого соответствия не может дать гарантии истинности познания. Коль скоро субъективные образы не являются отражением вещей, хотя бы их приблизительно верной копией, ощущения могут быть только обозначением, знаком вещей, а вещи в своей сущности остаются непознаваемыми.

Иные защитники теории иероглифов, отрицая объективность, в частности цвета, готовы признать световые волны различной длины и фотоны. Вопреки кажущейся верности последнему слову науки, это есть возврат к механицизму XVII—XVIII вв., признававшему лишь математически измеримые свойства материи.

Но если ограничиться признанием только тех свойств материи, которые регистрируются физическими приборами, можно прийти к отрицанию качественной определенности вещей. Между тем можно ли согласиться, что лучистая энергия, излучаемая или отражаемая предметами, лишена каких бы то ни было качеств? Несомненно, световые волны различной длины различаются не только количественно, но и качественно. Это можно наблюдать как вне светового спектра, так и в его пределах. Качественное различие видимых лучей объективно выражается, например, в избирательном поглощении солнечных лучей хлорофиллом растений. Цвет, следовательно, — это определенное качество лучистой энергии. Это такая же объективная особенность видимых волн, как и частота колебаний, яркость и насыщенность.

Мы не должны думать, говорят сторонники теории символов, что в действительности существует тот же цвет, что в наших ощущениях: ведь мы не можем найти цвет нигде, кроме как в ощущениях человека. Но это довод, типичный для субъективного идеализма: раз мы можем мыслить бытие только посредством нашего мышления, значит оно и существует лишь в сознании; мы не можем знать, каковы вещи сами по себе, независимо от сознания, ибо можем познавать их лишь нашим мышлением.

Этой оторванной от жизни и бесплодной теории противостоит диалектический материализм, принимающий мир во всем его богатстве качеств и многокрасочности, материализм, доверяющий свидетельствам органов чувств.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVII, стр. 37, 41.

Разумеется, ощущение цвета не может быть тем же, что и самый цвет. Здесь нет тождества. Ощущение — это субъективное воспроизведение, отражение в сознании человека объективных качеств вещей, или, как писал В. И. Ленин, — «объективный образ объективного мира»¹.

Цвет, как объективное качество вещи, отличается от ощущения цвета, в частности тем, что не является порождением взаимодействия между объективным предметом и сознанием. И затем, объективное качество — это не только проявление, но и то, что проявляется. Качество вещи всегда проявляется в ее отношении к другим вещам, но в этих отношениях качества не рождаются, а лишь обнаруживаются. Недаром на Востоке говорят: из кувшина может вылиться только то, что в нем было.

* * *

Одним из важнейших доводов в защиту теории символов является отсутствие в природе непосредственных аналогов понятия и других форм рационального познания.

Сознание «создает» общее понятие, например треугольника, а в действительности существуют только определенные треугольники, начерченные мелом на доске или вырезанные из картона, с такими-то сторонами и углами. Так же обстоит дело и с важнейшими философскими категориями — материей, движением и др. Требование указать пальцем не на камни, горы и звезды, открывающиеся нашему взору, а на материю, как таковую, соответствующую понятию материи, — такое требование, действительно, невозможно исполнить.

Однако само это требование незаконно, так как исходит из ложных предпосылок. Оно имеет в своей основе недоверие к рациональному познанию или же просто его отрицание. Согласно этой точке зрения, только будучи сведено к чувственным образам, мышление может доказать свою надежность и достоверность. Между тем и в понятиях, лишенных чувственной наглядности, тоже отражается действительность, хотя это происходит иначе, чем в ощущениях. Научное понятие образуется путем отвлечения от несущественного, внешнего, случайного. Такое понятие содержит в себе признаки, отражающие глубокие, существенные свойства вещей, то есть оно, в отличие от ощущения, не связано с действительностью непосредственно; оно лишено наглядности и образности и потому не имеет внешнего сходства с вещью. Поэтому на этой ступени познания в отношении форм абстрактного отражения требование подобия теряет тот смысл, который он имеет на предыдущей ступени.

«Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекаясь от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство»².

Требовать, чтобы в абстрактном понятии было запечатлено все разнообразие явлений, значит не видеть, что сознание при переходе от жи-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 106.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1955, стр. 187.

вого, непосредственного созерцания к абстрактному мышлению совершает скачок и приобретает качественно новый характер. Диалектический материализм потому и является диалектическим, что между чувственным и рациональным познанием не ставит ультимативного «или-или», вскрывая как их единство, так и различие.

При этом, не ограничиваясь простой констатацией наличия двух форм отражения, чувственной и рациональной, марксистская философия вскрывает объективную основу необходимости и качественной определенности этих форм. Именно потому, что вещь имеет внешнюю и внутреннюю стороны, сознание должно иметь средства, возможности, формы отражения обеих сторон. И так как внутренняя сущность в своей всеобщности непосредственно не дана чувственному созерцанию, то ее отражение неизбежно должно быть также абстрактным, лишенным красочности. Правда, абстракции постоянно сопровождаются образами, понятия всегда связаны с представлениями, и это также объективно обусловлено неразрывной связью между внешней и внутренней сторонами вещи.

Как же в таком случае можно проверить правильность отражения действительности в понятиях? Средством проверки служит деятельность человека, практика, та самая практика, которая полностью игнорируется теорией символов. Если, исходя из своих понятий, человек в состоянии изменить мир, если на практике вещи обнаруживают те свойства, которые человек рассчитывал вызвать, значит понятия служат не символами, а объективно верным отражением вещей.

Если бы понятия были лишь условными знаками, то в ходе многовековой борьбы человека с природой понятия не могли бы не проявить своего разлада, коренного расхождения с миром вещей. Между тем история говорит о законе неуклонного роста власти человека над природой.

Но здесь нас прерывают адепты теории символов и напоминают о многочисленных философских школах и естественно-научных направлениях, которые сначала завоевали сознание современников, а затем разделили участь «мировых империй» прошлого. Сколько учений о строении вещества сменили друг друга, чтобы, в свою очередь, уступить место новым и новейшим воззрениям! История познания, таким образом, представляется чередованием различных теорий, и все они, в конце концов, обнаруживали свою несостоятельность. Следовательно, согласно этому взгляду, философские учения и естественно-научные картины мира являются не формами отражения действительности, а произвольными конструкциями, имеющими условный характер.

При более пристальном взгляде, однако, оказывается, что различные учения, например о строении вещества, — поскольку речь идет о подлинной науке, — связаны между собой не простым отношением механического чередования, а преемственностью и наследованием. Старое, отвергаемое — сохраняется в новом. Поэтому науки меньше всего можно уподобить дочерям Даная, тщетно пытающимся наполнить бездонный сосуд. Наоборот, через развитие науки проходит прочная нить Ариадны, ведущая к истине.

Корень теоретического порока теории символов в том, что совпадение идеи и предмета понимается ею не как процесс, а как мгновенный, разовый акт. Предполагается, будто результатом этого акта может быть либо их полное совпадение — абсолютная истина, либо же несовпадение, и в этом случае знание может быть только символом.

Истина и заблуждение, совпадение идеи и предмета и несовпадение берутся как простые противоположности. Звания истины удостоивается только абсолютная истина. Но так как достичь абсолютной истины сразу невозможно, то признается существование только относительной истины, совершенно не связанной с истиной абсолютной, то есть относительность познания заменяется релятивизмом. Релятивистское противопоставление абсолютной и относительной истины обусловлено неспособностью сторонников теории символов смотреть на познание диалектически.

* * *

Из сказанного можно видеть, что мнимое «правдоподобие» теории символов создается фактами, которые лишь по видимости обосновывают ее принципы. Одним из таких фактов является и использование условных знаков в познании. Использование знаков, действительно, нельзя отрицать. И марксистская критика должна идти не по пути отрицания этого факта; она должна показать подлинную роль знаков в процессе познания.

Начало употребления знаков относится к самому раннему периоду в развитии цивилизации. Параллельно с формированием звукового языка в первобытном обществе зарождается «язык сигналов», состоявший из неграфических, предметных знаков: загнутых веток в лесу, особенным образом сложенных камней и т. п. Вместе с тем этот своеобразный «язык» включал в себя также передачу определенных предметов в знак выражения тех или иных мыслей и чувств. Например, у североамериканских индейцев знаком объявления войны был томагук¹. Изучение долингвистического употребления знаков имеет тем большую важность, что первые шаги в развитии письменности были связаны с изображением предметов, составлявших «язык сигналов».

С развитием языка и мышления использование знаков возрастало. Обширный и сложнейший аппарат современной математики стал необходимым подспорьем естественных наук и техники. Но употребление знаков и вообще характерно для сознания, ибо сознание оперирует не только точными, строго определенными понятиями, но и образами и символами. Как глубоко, например, в сознании нашего современника запечатлен белый голубь, как символ мира!

Все это свидетельствует о несомненной полезности знаков. Вопрос, однако, не в том, возможно или полезно ли использование знаков, а в том, можно ли все рациональное познание свести к оперированию знаками, как это пытаются сделать современные представители символистического на-

¹ См. М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 131—132.

правления в теории познания? Плодотворное применение знаков в математике, на которое постоянно они ссылались и ссылаются, не обосновывает тезиса о символической природе познания, ибо математика имеет дело лишь с одним аспектом, лишь с одной стороной действительности и не покрывает познания в целом. При этом даже в области самой математики фигурируют не голые знаки, ибо знаки в математике имеют смысл только в совокупности понятий, как обозначения понятий, являющихся результатом длительной познавательной деятельности.

Но область применения знаков символисты не ограничивают знаками естественных наук. Под систему знаков они подводят и самый язык.

Действительно, язык не имеет сам по себе внутренней связи с миром вещей: то, как слово звучит или как оно выглядит написанным, вовсе не похоже на предмет. Если бы слово, как таковое, было непосредственным отображением предмета, то на свете мог бы существовать лишь один-единственный язык.

Тем не менее даже внешняя сторона слова или, точнее говоря, его письменное обозначение в своем происхождении восходит к изображению. Древнейшим способом графического выражения слова было пиктографическое письмо, наглядно рисующее предмет или событие. Эти изображения послужили общей основой возникновения как письменности, так и изобразительного искусства. На следующем этапе — в идеографическом письме — также сначала сохранялось сходство с обозначаемой вещью. Сравнение знаков на различных ступенях развития письма с очевидностью показывает, как изображение вещи постепенно превращается в иероглиф, в «чистый знак». Это, так сказать, земное происхождение знаков можно проследить и в начертании знаков «самой символической науки» — математики.

Что же касается звукового выражения слова, следует отметить, что и здесь определенные элементы отражают условия, в которых данное слово родилось. Это явление и служит основой поэтических аллитераций.

Но все это относится лишь к внешней стороне слова. Между тем символизм считает условной не только эту внешнюю сторону слова, но и употребление языка вообще. Язык, согласно семантике, есть система условных знаков и правил обращения с ними, — не более. Упуская из виду глубокую органическую связь языка и мышления, игнорируя историческое становление языка в переплетении, в единстве с мышлением, семантики все познание, таким образом, сводят к оперированию знаками. Тем самым познание и мышление ликвидируются. В символы превращаются не только слова, но и понятия. От языка и самого мышления остаются только знаки.

Современные защитники гносеологического символизма не удовлетворяются существующими языками, так как существующие языки, по мнению символистов, в силу своего несовершенства являются причиной возникновения «псевдопроблем» и «неправдоподобных понятий». Задача философии — сконструировать такую систему знаков и правил, которая была бы свободна от несовершенства национальных языков. Подлинно

точное знание, по мнению семантиков, характеризуется тем, что оно может быть выражено в знаках «семантической системы».

Согласно идеалистической теории познания современных приверженцев теории символов, правила и знаки в семантике устанавливаются произвольно, подобно правилам карточной игры; они не претендуют на формулирование законов логики идей, которые отражают логику вещей. И когда говорится, например, что A в одно и то же время, в одном и том же отношении либо равно, либо не равно B , то это никак не обусловлено природой вещей, моментом относительного покоя в вечном движении материи,— это просто может быть принято или не принято в данной семантической системе. Аналогично с этим и любые другие суждения касаются не действительности, но лишь употребления знаков-слов. Поэтому истинным положение считается тогда, когда его можно согласовать с условно принятыми исходными принципами.

Идя по этому пути формализации процесса познания, семантика рассчитывает создать систему знаков, с помощью которой можно разумно говорить во всех случаях. Однако это было бы достижимо лишь в том случае, если бы познание действительно складывалось посредством сочетания знаков. Но то, что до некоторой степени возможно в математике и математической логике, в ограниченной, специфической области познания,— невозможно при познании бесконечно разнообразного и вечно развивающегося мира в целом. В действительности теоретические построения, умозаключения возникают не вследствие формалистического манипулирования знаками, а как результат практической познавательной деятельности человека.

В действительности объективно обусловлено не только содержание познания, но и логические формы мышления. Структура суждения, ее логическая форма — не условный знак, не символ. В формуле $S—P$ отношения между понятиями отражают отношения между вещами и их свойствами. Более того, метод познания также определяется объектом познания: субъективная диалектика есть отражение объективной. Недостаточно, следовательно, вместе с метафизическим материализмом утверждать, что содержание познания отражает объективный мир. Диалектический материализм идет дальше, анализируя проблему единства бытия и мышления также со стороны формы¹.

Отсюда ясно, что символизм, гордый тем, что он сам постулирует аксиомы своего «языка», не замечает, что само установление правил функционирования знаков невозможно без мышления, которое становится реальностью благодаря обыкновенному языку смертных. Подобно мольеровскому герою, он не замечает, что говорит прозой, которая и является необходимым условием и основой конструирования каких бы то ни было математизированных систем.

Итак, язык невозможно свести к совокупности символов. Употребление слов является не условным, не произвольно устанавливаемым, — оно

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1948, стр. 349.

определяется смысловой стороной слов, содержанием понятий, отражающих действительность. Слово органически связано с понятием. Поэтому понятие — это душа слова, без которого слово мертво. Слово — не просто одежда понятия, а необходимая форма его существования.

Однако смысловая сторона слова не исчерпывается понятием. Слово часто выражает также и бросающийся в глаза отдельный объективный признак предмета, выделяя и делая его представителем предмета. При этом признак этот или этот образ может быть и несущественным для предмета, но важно то, что он во всяком случае своеобразно отражает действительность.

Образ, легший в основу слова, может стереться, и тогда его трудно бывает разглядеть. Но в тех случаях, когда в основе данного слова лежит другое, известное нам слово, образ проступает с большей или меньшей яркостью. В словах, имеющих отношение к животному и растительному царству, выделяются такие признаки, как, например, цвет (белка, голубь) или форма (колокольчик), или какие-либо обстоятельства существования (подснежник). Иногда подчеркиваемый признак раскрывает определенную объективную закономерность природы. Например, слово «веснянки» отражает ту подмеченную народом закономерность, что данная разновидность насекомых появляется ранней весной. Интересно также и то, что многие названия цвета предметов происходят от названия растений (фиолетовый, т. е. цвета фиалки, сиреневый, коричневый и т. д.), что свидетельствует о том, что стихийно-материалистическое сознание народа относит цвет к объективно существующему внешнему миру.

Таким образом, язык не может быть сведен к системе знаков, а познание — к оперированию этими знаками.

Равным образом символизм неправилен и в области искусства. Не останавливаясь на этом вопросе в данной статье, подчеркнем лишь, что своеобразие и определенная условность формы (в особенности таких жанров музыки, как опера) не мешают реалистическому искусству быть средством художественного отражения действительности.

Все это в целом означает, что познание не условно, не символично, как это пытается представить теория символов.

Теория символов есть отступление от единственно научной, последовательно материалистической теории познания. В наше время она служит средством борьбы против марксистско-ленинской теории отражения. Реакционная роль, которую теория символов играет в современной идейной борьбе, определяется тем, что сознание и материю, теорию и практику она относит к двум различным, ничем не связанным мирам. Тем самым лишается смысла вся познавательная и преобразующая деятельность человека.

Опровержением этой теории, как и идеализма и агностицизма, является сама жизнь, практика, те поистине изумительные победы разума, которые достигаются на наших глазах. Теоретическое же опровержение теории символов дает диалектический материализм, решая проблемы, которые символизм не может даже правильно поставить.